

Предисловие автора к первому изданию

Книга эта создавалась на основе лекций, читанных мною в 1958–1961 гг. студентам-классикам филологического факультета Ленинградского университета. Слова, что автор сам прекрасно сознает недостатки своей книги, произносятся столь часто, что они стали трафаретом и ничего не значат. Мне хотелось бы, чтобы их приняли как значащие и полновесные. И если тем не менее я решаюсь выпустить эту книгу, то объясняется это желанием хотя бы и неполно, но ознакомить нашего читателя с бытом, с обыденной жизнью древнего Рима. Без этого знакомства нельзя как следует понять ни римской литературы, ни истории Рима. Книги, имеющиеся у нас на эту тему, очень устарели.

Ввиду необозримости материала автор ограничился I в. н. э., выходя из этих рамок только в том случае, когда это настоятельно требовалось предметом.

Книга эта не увидела бы света, если бы не деятельная помощь академика В. В. Струве и дирекции Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Много ценных указаний и поправок сделала мне К. М. Колобова. Всем им, а также студентам, моим бывшим слушателям, чья юная любознательность все время толкала меня искать и учиться, приношу я мою глубокую благодарность.

*21 ноября 1963 г.
Ленинград*

*Памяти дорогих друзей —
Софии Ивановны Протасовой,
Сергея Николаевича Чернова,
Павла Григорьевича Любомирова*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рим

Он был один; был просто город.

А. Твардовский

Его так и звали просто «городом», и когда произносили слово «urbs», все понимали, что речь идет о Риме. Чужестранцы, побывавшие в этой столице мира, с восторгом рассказывали своим землякам о великолепных зданиях, поражавших и обдуманной смелостью замысла, и несравненной роскошью отделки, о величавых форумах, о триумфальных арках, которые спокойно и неопровержимо повествовали о победах и завоеваниях Рима. Отголосок этого восторженного изумления слышится в эпитетах, сопровождающих его имя: «золотой», «вечный». Станным образом последний из них сохранил свою силу. Рим был взят и разграблен варварами; его улицы заросли травой, на его форумах паслись коровы; храмы и дворцы превратились в развалины, но в мучительном грохоте средневековой военной возни, среди бестолковой раздробленности феодального мира глаза людей неизменно обращались к этому быломu средоточию земного могущества. Даль веков скрыла темные и страшные стороны античного Рима: он казался символом государственной мощи, обеспечившей мир и благоденствие своим подданным; для людей, только накануне узнавших, что такое азбука, он был обителью, откуда лился свет просвещения и разума.

Со времен Возрождения Рим стал великой школой, куда приходили учиться художники, поэты, ученые. В Риме хорошо было заниматься не только древней историей; история здесь сбрасывала с себя школьное и книжное одеяние; она входила в сегодняшний день как живое вчера: языком развалин, камней и надгробий Рим рассказывал, чего достигло прошлое, на чем оно споткнулось, решать какие задачи оставили предки своим отдаленным потомкам.

А начало вовсе не предвещало этой будущей славы. На вершинах нескольких холмов в беспорядке стояли хижины, сплетенные из ветвей и обмазанные глиной. Столб в середине хижины поддерживал соломенную или тростниковую крышу; дым от очага выходил в отверстие над дверью, над которой прилаживали иногда навес. Очаг был переносной, а в каменном полу были прорублены канавки для стока воды. Место, где устроились эти древние поселенцы, представляло собой путаницу оврагов, ложбинок, заболоченных низин и мелководных речушек, стекавших с холмов, амфитеатром расположенных на левом берегу Тибра. Страбон, размышлявший о том, какие экономические преимущества этого места содействовали возвышению Рима, выразительно подчеркивает, что было оно выбрано не по трезвому учету его выгод, а по необходимости¹. Хорошие места были заняты, приходилось довольствоваться тем, что оставалось. Можно, однако, представить себе, что в этой местности привлекало древнейших насельников: холмы, пусть и невысокие (одни — немногим выше 50 м, другие — немногим ниже)², иногда крутые и обрывистые, были все же естественной крепостью, а заболоченные ложбины, превращавшиеся иногда в настоящие болота, делали эту крепость еще надежнее. Кругом росли леса и били ключи; чистая вода, материал для построек, топливо и дичь были под рукой. Возле протекала большая судоходная река: легко было под-

няться вверх и спуститься вниз; можно было и завязать торговлю с кем нужно; можно было при случае организовать и разбойничий набег.

В VII в. до н. э. население этих поселков, живших совершенно обособленно, начало объединяться, и в VI в. под влиянием и под властью этрусков Рим стал уже настоящим городом. Он растет; сначала центр незаметной страны, он становится столицей мощного государства и в конце концов столицей мировой державы. И те преимущества, которые привлекали древнейших насельников к этим холмам и низинам, оказываются теперь недостатками. Холмы круты, на них трудно взбираться; несмотря на все работы по осушке заболоченных мест, которые начались еще до Тарквиниев, малярия не переводилась в городе и каждую осень собирала обильную жатву; улицы узки и кривы; «при всем своем могуществе римляне не могут их выпрямить», ядовито заметил Диодор (XIV.116.9). Эти улицы, улочки и переулки выются в долинах, карабкаются на холмы; в этой переплетающейся сети нет ни системы, ни порядка: «самый беспорядочный город в мире», скажет А. Боециус, крупнейший знаток античного градостроительства.

Римляне позднейшего времени испытывали некоторое смущение от этой «бесплановости» своего города и объясняли ее спешкой, с которой он отстраивался после страшного галльского погрома (390 г. до н. э.)⁵. Цицерон с досадой противопоставлял широкие, хорошо распланированные улицы Капуи жалким улочкам Рима (*de leg. agr.* II.35.96). А к этим исконным недостаткам присоединились новые, постепенно создаваемые исторической обстановкой.

Значение Рима растет, и население его увеличивается; Рим притягивает к себе людей отовсюду — с жильем становится трудно; квартир не хватает, и строиться негде. Отсутствие таких средств сообщения, какими

располагаем мы, делает невозможным возникновение пригородов, окружающих наши большие города. Те, кто своим трудом зарабатывал себе хлеб, кто был связан с государственной, судебной или деловой жизнью, вынуждены жаться к местам, где можно найти работу и сбыт продуктам этой работы, где находятся официальные учреждения и совершаются торговые и денежные операции. Для человека богатого необходимости тут, правда, нет: он обзаведется «восьмью ладными молодцами», которые и пронесут среди расступающейся толпы его носилки, где «он будет читать, писать или спать и прибудет на место раньше пешеходов» (Iuv. 3.239–241), но ремесленник, мелкий торговец, клиент о таком способе передвижения и мечтать не может. И Рим уже в конце республики и еще отчетливее при империи распадется на две части: Рим холмов и Рим низин, лежащих между этими холмами. Они во многих отношениях не похожи один на другой. Воздух на холмах здоровее и чище («colles saluberrimi» — «холмы очень здоровые», — скажет Цицерон), там много садов и парков, торговля жметя в сторону, и хозяевами здесь особняки (domus), прибравшие для себя площадь, которую надо высчитывать в гектарах. Здесь живут люди, которым случается взойти на императорский престол, первые сановники государства, представители старых аристократических родов, обладатели огромных состояний — те, кто хочет и может обеспечить себе тихий досуг вдали от торговой толкотни, от крикливой, шумной и деятельной суеты улиц, проложенных в низинах⁴.

Улицы

Центром государственной и общественной жизни древнего Рима была одна из низин — форум; и как Рим был просто «городом», так и форум республиканского времени назывался только «форумом», без вся-

ких дальнейших определений. От него во все стороны расходились улицы; и на этих улицах, пробиравшихся между холмами, и сосредоточивалась главным образом торговая и ремесленная жизнь города.

Самый форум уже в IV в. до н. э. был окаймлен торговыми рядами: по южной его стороне шли Старые лавки (*tabernae veteres*), напротив расположились Новые (*tabernae novae*). Здесь была школа, которую посещала Виргиния; и у мясника, торговавшего тут же, отец ее выхватил нож, которым заколол дочь, спасая ее от бесчестия. Когда по сторонам форума место торговых рядов заняли базилики (Порциева и Эмилиева), лавки разместились в них. И только постепенно торговая жизнь отхлынула от форума, переместившись на Священную Дорогу, соседнюю улицу, а позднее — на форум Траяна.

Священная Дорога, соединявшая форум с Палатином, начиналась на Велии около храма ларов (здесь она называлась Верхней Священной Дорогой — *Summa Sacra Via*) и спускалась к восточной стороне форума. В начале империи лавки окаймляли ее сплошь, но после того как был выстроен форум Мира и храм Фаустины⁵, они сдвинулись к югу, скучившись между аркой Тита и домом, где жили весталки (*atrium Vestae*)⁶. Здесь сосредоточилась торговля золотыми вещами и драгоценными камнями, но верхний конец улицы облюбовали торговцы цветами и фруктовщики. Овидий рекомендовал именно здесь покупать «сельские дары» возлюбленной (*am. 1.8.100; a. a. II.265–266*), и уже Варрон писал, что тут продаются такие плоды, что за них надо расплачиваться золотом (*r. r. I.2.10*)⁷.

К северу-востоку от форума шел Аргилет, одна из оживленнейших улиц Рима с бойкой торговлей и людской толчеей. Нижняя часть этой улицы, застроенная частными домами, была превращена Домицианом и Нервой в *forum Transitorium* (Проходной форум). Тут

были книжные лавки (Mart. I.3.1); эпиграммы Марциала продавались у Атректа в числе прочих новинок, объектами о которых хозяин лавки увещал дверные косяки (Mart. I.117.10–17); «многочисленные сапожники захватили улицу в свое владение» (II.17.3). Поблизости когда-то находились здесь глиняные карьеры, и улица, вероятно, от них и получила свое наименование (argilla — глина)⁸.

Аргилет вливался в Субуру — долину, которая шла между Оппием и южным склоном Виминала; под именем Субурского взвоза она продолжалась между Оппием и Циспием и оканчивалась у Эсквилинских ворот. Начало ее — «устье Субуры» — находилось, вероятно, где-то недалеко от штаб-квартиры городского префекта, «где висят окровавленные плети палачей» (Mart. II.17.1–2). Эту улицу Ювенал называл «кипящей» (II.51); из этих слов и схолии к ним можно заключить, что она действительно напоминала кипящий водоворот. Марциал, жаловавшийся на вечный грохот и гвалт, стоявший на римских улицах, особо выделяет Субуру: «крикливая» (II.18.2). На этой толкучке торговали всем, что требуется в повседневном быту: съестным, начиная от простой дешевой еды — капуста, опавшие маслины, козлятина, яйца, куры (Mart. VII.31) — и кончая дорогой заморской дичью (Iuv. II.137–141), одеждой, железным товаром, обувью⁹. Здесь же продавались всякие притирания и разные принадлежности туалета: Марциал, издеваясь над какой-то Галлой, говорил, что ее волосы, зубы и брови приобретены «в середине Субуры» (IX.37). И здесь же, наконец, обитали «девушки не очень доброй славы» (Mart. VI.66.1–2), «субурские наставницы» в любовных делах (XI.78.11), которые умели, по словам поэта, не просто «обстричь», а наголо «обрить» гостя (II.17.5). Гораций поселил здесь свою страшную Канидию, отдаленную прабабушку шекспировских ведьм, которая оскверняет могилы и убивает детей для своего чародейства (epod. 5).

От форума к юго-западу начиналась, пройдя между Юлиевой базиликой и храмом Кастора, Этрусская улица (*vicus Tuscus*), главная артерия, связывавшая форум с Велабром, Коровьим рынком и Большим цирком. По всей вероятности, улица эта получила свое название потому, что здесь расселились этрусские мастера, собравшиеся в Рим на стройку храма Юпитера Капитолийского¹⁰. Здесь стояла статуя Вортумна, «который есть главное божество этрусков» (*Varr. 1.1. V.46*). Судя по тому, что позднейшие комментаторы к Горацию и Цицерону называют эту улицу *vicus Turarius* — улица Благовоний, здесь была сосредоточена торговля ладаном и всякими ароматами. Рядом с ней следует поместить торговлю тканями и одеждой, преимущественно дорогими: Марциал жаловался, что его возлюбленная требует от него «первосортного шелка с Этрусской улицы» (*XI.27.11*); в надписях упоминается *purpurarius*, то есть торговец или тканями, окрашенными в пурпур, или готовой одеждой из этих тканей (*CIL. XIV.2433*) и просто торговец одеждой (*CIL VI.9976*), оба с этой улицы.

Обитатели Этрусской улицы слыли людьми сомнительной репутации: Плавт говорил, что там живут те, кто торгует собой (*Curculio 482*); «бессовестный народ с Этрусской улицы» — честил их Гораций (*sat. II.3.228*). Мы не знаем, было ли это мнение справедливо; может быть, здесь сказалась старинная нелюбовь к этрускам, столь яркая уже у анналистов IV в. до н. э.

Этрусская улица пересекала Велабр, ложбину между северо-западным склоном Палатина и Капитолием. Когда-то и Велабр, и форум были болотом, по которому плавали в маленьких челноках. Поэты августовского времени любили вспоминать об этих младенческих годах Рима (*Ov. f. VI.401–405*; *Tib. II.5.33–34*). При империи это «самое оживленное место в городе» (*Maec. sat. I.10.15*), с бойкой торговлей. Бестолковый юнец у Горация, получив отцовское наследство, вызывает

с раннего утра к себе домой «рыбака, птицелова, фруктошника, колбасника... весь рынок с Велабром вместе» (sat. II.3.227–229). Схолиаст замечает к этому месту, что на Велабре торговали преимущественно съестным, в том числе вином и маслом. Парасит в одной из комедий Плавта жалуется, что над его шутками никто не смеется: «...все стоворились, словно продавцы масла на Велабре» (Capt. 486). Большой известностью пользовался велабрский копченый сыр. Марциал, понимавший толк в еде, сочинил сопроводительную надпись к головке такого сыра: «Только тот сыр, который впитал в себя велабрский дым, вкусен; не на всяком очаге изготовят хороший сыр, не любой дым придает ему вкус» (XIII.32). Плиний пишет, что козий сыр особенно вкусен, если его выкоптить свежим; «изготавливаемый в самом городе предпочтительнее всех остальных» (XI.241). На Велабре торговали, видимо, сыром местного изготовления из здешних сыроварен.

Непосредственно к Велабру примыкал Коровий рынок; здесь, как указывает само имя, в древности шла торговля скотом. Площадь эта начала рано застраиваться; уже к началу Второй Пунийской войны здесь стояли многоэтажные дома: в начале Второй Пунийской войны бык, убежав с рынка, взобрался по лестнице на третий этаж; это сочли зловещим предзнаменованием (Liv. XXI.61.2).

Рядом с Этрусской улицей шла Яремная, получившая свое имя или от мастеров, работавших ярма и заселивших эту улицу, или от алтаря Юноны Юги (Iuno Iuga), соединявшей людей брачным ярмом (Fest. 92). Улица эта огибала Капитолий и представляла собой часть древней торговой дороги, проходившей здесь, когда и Рима еще не было и сабиняне приходили за солью к солончакам в устье Тибра.

Взвозов и сейчас в Риме существует достаточно, несмотря на все изменения, которые испытала поверх-

ность города под воздействием и природных сил, и людской деятельности¹¹. Современные римские взвозы могут дать представление об античных. На некоторых холмах дорога для повозок была только одна. На Палатин можно было въехать со Священной Дороги по Палатинскому взвозу (*clivus Palatinus*), а с Велабра — по взвозу Победы (*clivus Victoriae*), который огибал холм и поднимался на него с севера; на Капитолий въезжали по Капитолийскому взвозу (*clivus Capitolinus*); им заканчивалась Священная Дорога. Это был единственный доступный для повозок путь на Капитолий, по нему поднимались колесницы триумфаторов и по нему же спускались в долину Большого цирка повозки с изображениями и символами разных божеств. Для пешеходов были устроены лестницы — *scalae* или *gradus*. С форума на вершину Кремля (*Argx*) вели *Scalae Gemoniae* и *gradus Monetae*¹²: первая начиналась около старой тюрьмы (*carcer*) и поднималась до самой седловины (*Asylum*), разделявшей две вершины холма; вторая была ее продолжением и шла от седловины к храму Юноны Монеты¹³ на вершине Кремля. По лестнице в сто ступеней, получившей по числу их и свое имя — *Centum gradus*, поднимались на Капитолий со стороны Велабра. Лестница Кака (*scalae Caci*)¹⁴ вела с Палатина к Большому цирку, а с форумом его соединяла лестница Колец (*scalae Anulariae*), названная так по находившимся вблизи мастерским ювелиров, изготавливавших кольца.

Мраморный план позволяет составить представление об этих римских лестницах. На двух обломках (*frgm.* 114 и *frgm.* 173) изображены две лестницы, местонахождение которых, к сожалению, нельзя определить. Первая из них — монументальная (около 56 м длиной и около 18 м шириной внизу и около 10 м вверху); посередине она разделена широким барьером, который делит ее на две половины. После каждых 4–5 сту-

пенек — площадка. На второй лестнице (40 м длиной и шириной 7 м) после каждых 8–10 ступенек сделаны площадки шириной 4 м.

Свидетельство современников о том, что улицы древнего Рима были узкими и извилистыми, подтверждается и Мраморным планом, и остатками раскопанных античных улиц. Самая большая ширина их 6–7 м (ширина взвоза Победы — 8 м — исключение). Священная Дорога в своем начале не превышает 4,8 м, а в самом широком месте достигает 6,5 м; ширина Капитолийского взвоза — 6 м, Этрусской улицы — 6,5 м, Яремной — 5,51 м. Улицы обычно были не шире 4,5–5 м (по Законам двенадцати таблиц от V в. до н. э. улицы не должны быть уже 4,74 м). Переулки и тупики были еще уже и часто не достигали в ширину даже и 3 м¹⁵.

Можно представить себе, какая толкучка и толчая были на этих тесных улицах, если здесь шла бойкая торговля и жило ремесленное население, например на «грязной и мокрой» Субуре, на Велабре, на Этрусской улице. Совмещение пешего и конного движения приводило, конечно, к непрерывной цепи несчастных случаев, и Цезарь в законе о городском благоустройстве (*lex Iulia municipalis*, 45 г. до н. э.) запретил всякому конному транспорту въезд в Рим после солнечного восхода и до заката¹⁶. Исключение было сделано только для телег, которые ввозили строительные материалы для храмов и общественных зданий и вывозили из города мусор, а также для триумфальных колесниц и повозок, ехавших в торжественных процессиях. В некоторые праздники могли ехать в повозках весталки, *geh sacrorum* и фламины¹⁷.

Судя по описанию Ювенала, нельзя, однако, сказать, чтобы движение на римских улицах было свободным и легким: «Я тороплюсь, но мне преграждает дорогу толпа впереди; идущие сзади целым отрядом напирают мне на спину. Один ударяет меня локтем, другой уда-

ряет крепким шестом, кто-то стучает по голове бревном, кто-то метретом. Ноги у меня в грязи по колению; куда ни повернешь, тебе на ногу наступает здоровенная ступня, гвоздь солдатского сапога вонзается в палец... разорвали только что починенную тунику; подъезжают дроги, на которых вихляются еловые бревна; на других повозках везут кучу сосновых балок, они угрожающе покачиваются. А если надломится ось в телеге с лигурийским мрамором и вся эта гора опрокинется на людей? Что останется от их тел?» (3.243–259).

Набережной в нашем смысле в древнем Риме не было. Вдоль реки, подходя к самому берегу, тянулись ряды строений, преимущественно складов, с площадками для выгрузки судов; от этих площадок к самому Тибру спускались невысокие лестницы, по которым грузчики вносили наверх товары. За складами начинались улицы, одни — параллельно Тибру, другие — перпендикулярно к нему.

Улицы часто назывались по тем ремесленникам или торговцам, которые там обосновались. На Эсквiline, возле храма Матери-Земли, проходила улица Сапожников — специалистов по выделке сандалий (*vicus Sandalarius*), спускавшаяся к Субуре и пересекавшая ее. На этой улице Август поставил знаменитую статую Аполлона, которая и стала именоваться по улице — *Apollo Sandalarius*. Была улица Шорников (*vicus Lora-gius* — CIL VI.9796); где она находилась — неизвестно; улица Хлеботорговцев (*vicus Frumentarius*) по соседству с хлебными складами на Тибре под Авентином (CIL VI.814). На Авентине был взвоз Капсариев (капсариями назывались люди, под охрану которых моющиеся в банях отдавали свою одежду). В одной из надписей упоминается «капсарий из Антониновых терм» (CIL VI.9232); большинство жителей этого взвоза состояло, очевидно, из капсариев, обслуживавших термы Каракаллы.

Иногда улица получала имя того, кто ее проложил: взвоз Пуллия, ведущий от Субуры к западной оконечности Оппия, и взвоз Коскония (где находился — неизвестно) были названы по имени своих строителей (Varr. 1.1. V.158). Публичиев взвоз, по которому можно было въехать на Авентин («раньше это была крутая скала» — Ov. f. IV.280–294), был устроен и вымощен Луцием и Марком Публициями Маллеолами, курульными эдилами 238 г. до н. э. Они употребили на это дело штрафные деньги, полученные с крупных скотоводов, нарушивших закон о норме скота, который разрешалось пасти на государственных пастбищах (Varr. 1.1. V.158; Fest. 276). Иногда название улице подсказывала легенда или историческое воспоминание: на Авентине улицы Большого и Малого Лаврового Леса (vicus Loreti Maioris и vicus Loreti Minoris) проходили по тому месту, где раньше росла лавровая роща (Pl. XV.138). «Их называли так или потому, что здесь похоронен царь Таций, которого жители Лаврента убили, или же потому, что здесь рос лавровый лес, который потом срубили и на месте которого построились» (Varr. 1.1. V.152). Проклятой называлась улица на Эсквiline, где, по преданию, Туллия переехала через труп своего отца Сервия Туллия (Liv. I.48.7). На Патрицианской улице (vicus Patricius) «жили по приказанию Сервия Туллия патриции: если бы они что-либо замыслили против него, их можно было бы одолеть, действуя с высот» (улица шла в низине между Циспием и Виминалом); таково, по крайней мере, объяснение Феста (247). Иногда имя определялось каким-нибудь характерным признаком самой улицы: Высокая Тропа (Alta Semita) проходила по гребню Квиринала, Длинная улица (vicus Longus) пересекала всю долину между Квириналом и Виминалом, Пыльная (vicus Pulverarius) находилась возле ломок пуццоланы между Аппиевыми и Ардеатинскими воротами. Были улицы, названные по владельцу како-

го-нибудь дома, по храму или памятнику: улица Камен на Целии — по святилищу этих богинь; улица Цезетия (*vicus Caeseti*) где-то между Авентином и Тибром — по дому Цезетия Руфа, который Фульфия, жена Антония, мечтала приобрести. Отказ Руфа стоил ему головы (*App. bell. civ. IV.29*). Случалось, что имя улице давала какая-нибудь этническая группа, здесь проживавшая: Африканская улица на Эсквiline (*vicus Afri-cus*) получила, по словам Варрона, это название потому, что здесь во время Пунийской войны держали под охраной заложников из Африки (1.1.V.159). Об Этрусской улице мы уже говорили.

У кварталов были тоже свои имена, которые давались часто по главной улице этого квартала: был Кривой квартал с Кривой улицей на Эсквiline (его обитатели звались *vicosurvenses*), квартал Матери Венеры с улицей того же имени на Авентине (его жителей именовали *venerenses*). На Эсквiline за Эсквилинскими воротами был фонтан со статуей Орфея, которого окружали звери и птицы (*Mart. X.19.6–9*); обитатели этого квартала были *orphienses*.

Человеку, который плохо знал Рим, приходилось трудно, если он вынужден был один, без провожатого, разыскивать нужную ему улицу и нужный дом: на улицах не было табличек с их названиями, а на домах не было номеров. К этому надо прибавить, что если главная улица квартала всегда имела название, то маленькие улочки, тупики и переулки часто оставались безымянными. Многоэтажные дома были такого же уныло-стандартного вида, как и современные многоквартирные дома в больших городах, и веселый анекдот, рассказанный автором «Риторики Гереннию» (IV.50–51)¹⁸, показывает, как легко было сбиться и запутаться в Риме. Улицу без названия приходилось определять путем описательным. Асконий в своем комментарии к утерянной речи Цицерона «За Скавра» пишет, что дом

последнего находился на Палатине; надо, спустившись по Священной Дороге, взять в первую боковую улицу налево и спрашивать дом Цецины Ларга, который был консулом вместе с Клавдием: ему теперь принадлежит дом Скавра. Фест сообщает, что мусор из храма Весты за 17 дней до июльских календ выносят в тупик, находящийся почти посередине Капитолийского взвоза (466); тупик имени не имеет, равно как и улица, где жил Скавр.

Для точного указания дома называют имя его владельца: мы уже видели это у Аскония. «Ты не будешь чужой для Юлия¹⁹, — обращается Марциал к своей книжке, которую он посылает в Рим (сам он в это время жил в Цисальпинской Галлии), — сразу же ищи его в начале Крытой улицы в доме, который принадлежал раньше Дафнису» (III.5.5–6). Имя человека, построившего дом или долго в нем жившего, иногда прочно закреплялось за этим домом: особняк, где жил Аттик, а до него еще его дядя, продолжал называться Тамфилиевым. Иногда дом находили, отсчитывая число зданий от какого-то определенного пункта. «Вот место и район, которые указал мне мой господин... седьмой дом от ворот; там и живет сводник, которому он велел отнести эти деньги». Несмотря на это указание, Гарпакс считает более верным спросить у кого-нибудь, где живет Баллион (Plaut. Pseud. 594–600). Катулл сообщает адрес одной подозрительной харчевни таким образом: «...она находится у девятого столба, считая от храма Кастора и Поллукса» (37.1–2). Хорошими указателями служили вывески на лавках и мастерских; на них обычно изображались предметы, которые здесь выделывались и продавались, или какой-нибудь памятник искусства, находящийся по соседству и широко известный. Случалось, что на домах был как бы свой герб. Помпею после его победы над пиратами разрешено было украсить свой дом в Каринах носами (рострами) с пи-

ратских судов: он так и назывался — *Domus Rostrata*. В V в. н. э. был Дом с пальмой (*Domus Palmata*): фасад его, вероятно, украшала высеченная из камня или отлитая из металла пальма. Марциал, посылая Плинию Младшему X книгу своих стихов, «не очень ученую и вовсе не строгую, но и не вовсе лишенную прелести», указывает его адрес: Плиний живет недалеко от фонтана с Орфеем, и его дом украшен изображением орла (X.19.10–11)²⁰.

Площади

Римские площади (*areae*) не все известны по имени. Величина у них разная: были большие, например перед термами Тита (82 × 12 м); были поменьше (22 × 45 м, 25 × 23 м). Почти весь Капитолий (не Кремль) занимала Капитолийская площадь (около 1,5 га), посередине которой возвышался храм Юпитера Сильнейшего Величайшего, один из древнейших храмов города. Площадь была обведена стеной, за ней шел портик; на ночь площадь запиралась, оставаясь под охраной привратника и собак. Здесь же содержались и священные гуси. Из целлы храма можно было пройти в подвальные помещения (*favissae*), где хранились старинные статуи, упавшие с крыши храма, а также различные посвященные дары (Gell. II.10.2). На площади стояло несколько древних храмов (Юпитера Феретрия, Юпитера Гремящего, Марса Мстителя, Венеры и другие), много часовен, алтарей, статуй богов и знаменитых римлян. Последних было так много, что Август велел перенести часть их на Марсово поле (Suet. Calig. 34.1).

Храм Аполлона на Палатине — самое великолепное из воздвигнутых Августом зданий — находился на площади, которая называлась площадью Аполлона или площадью Аполлонова Храма (*Area Apollinis* или *Area Aedis Apollinis*). Храм был выстроен из больших плит

белого каррарского мрамора; на крыше стояла колесница Солнца; двери были украшены рельефами из слоновой кости. Храм окружал портик с колоннами из желто-красного нумидийского мрамора, между которыми стояли статуи пятидесяти Данаид, а перед ними конные статуи их несчастных мужей (Prop. II.31.4; Schol. Pers. 2.56; Ov. trist. III.1.61–62). Под портиком или рядом с ним находилась Библиотека Аполлона, состоявшая из двух отделений, греческого и латинского. Надписи упоминают императорских рабов (они все были греками), работавших в одном и в другом отделении (CIL VI.5188, 5189, 5884). Перед входом в храм стояли мраморная статуя Аполлона и алтарь, вокруг которого было поставлено четыре бронзовых быка работы Мирона.

Была еще площадь Сатурна, находившаяся между Капитолийским взвозом и Яремной улицей, за храмом этого божества. Вокруг нее были расставлены бронзовые доски с вырезанными на них законами; на площадь открывались и канцелярии, в которых ведали делами государственной казны, помещенной в этом храме.

Парки

Римские холмы были когда-то густо одеты лесом; западный край Оппия назывался *Fagutal*, потому что здесь росла буковая роща (*fagus* — бук); храм Юноны Луцины на Циспии находился в роще. Страшные обряды вакханалий справлялись под Авентином в роще богини Стимулы²¹. На Марсовом поле рос дубовый лесок (*aesculetum*); Гай Гракх, не желая попасть в руки преследователей, приказал рабу убить себя, дойдя до рощи Фурины (на правом берегу Тибра)²². Целий, по словам Тацита, назывался в древности Кверкветуланом (*quercus* — дуб), потому что весь зарос густым дубовым

лесом (ann. IV.65). О роще лавров на Авентине уже упоминалось.

К концу республики от этих рощ и лесочков или ничего не осталось, или уцелели только жалкие группки или отдельные деревца. В разрастающемся городе деревьям трудно устоять под натиском охотников за наживой и перед жадностью строителей-спекулянтов. Люди состоятельные стремились окружать свои особняки деревьями и вообще зеленью: дом Аттика на Квиринале стоял в парке, походившем, видимо, больше на простую рощу, над которой не исхитрялся искусник-садовник; Корнелий Непот называет этот парк просто «лесом» (Att. 13); у Котты где-то на Остийской дороге, вероятно под Авентином, находился «крохотный садик» (Cic. ad Att. XII.23); дом Красса на Палатине славился своими шестью «лотосами»: это были огромные деревья, «широко раскинувшие свои тенистые ветви» (Pl. XVII.2–5). Все это были люди, жившие в своих особняках. Жители инсул в большинстве случаев были обречены на созерцание грязных, в пятнах и трещинах, стен противоположных домов: в Риме улицы не обсаживали деревьями и цветами, как у нас, да при узости улиц это было и невозможно. Свою тоску по зелени городская беднота удовлетворяла «подобием садов»: разводила цветы и всякие травы у себя на окошках (Pl. XIX.59). Римские улицы, тесные, шумные, с галдящей толпой, через которую было не пробиться, не были, конечно, местом для отдыха и прогулок. Было, однако, в республиканском Риме два места, где городские жители любили собираться в часы досуга: форум и Священная Дорога.

Форум был местом встречи и деловых людей, и бездельников. Около «колодца Либона» — каменной загородки, поставленной по поручению сената неким Скрибонием Либонем в том месте, куда ударила молния (Fest. 448)²³, собирались обычно ростовщики (Pers. 4.49 и схолия к этому стиху). Овидий советовал не-

счастному влюбленному отвлекаться от своей печали, думая о той неприятности, которая его ждет: в ближайшие календы ему предстоит расплачиваться с ростовщиком «у колодца» (rem. amor. 561–562). Недалеко отсюда находился «преторский суд»: деревянная платформа, которую в середине II в. до н. э. перенесли с комиция на форум. Гораций среди «сотен дел», которые обрушиваются на него в городе, вспоминает, как раб Росция передавал ему просьбу господина явиться в этот суд к семи утра (sat. II.6.33–35). Вечерами он, однако, любил прогуливаться по форуму, замешавшись в пестрой толпе. У форума были свои завсегдатаи (fo-genses), среди которых находилось немало людей сомнительной репутации. В Юлиевой базилике располагались игроки, память о которых до сих пор сохранилась, так как в портике, на плитах белого мрамора, они выцарапали свои «игральные доски», круглые и четырехугольные; странствующие гадатели собирали вокруг себя доверчивых клиентов, но послушать их предсказания останавливались и скептики вроде Горация. Здесь собирались заядлые политиканы, обсуждавшие вопросы войны и мира: лучше, чем полководец, ушедший в поход, знали они, как провести войско, где разбить лагерь, когда начать военные действия и когда лучше посидеть смирно. Здесь рождались новости, «у которых никогда не оказывалось отца» (Liv. XLIV.22), но которые сразу приобретали вес и значение реального события. «Те, кто всегда толчется под рострами, — писал Целий Цицерону, — разнесли по всему городу и по форуму известие, что ты погиб: Кв. Помпей убил тебя в пути» (Cic. ad. fam. VIII.1.4). Отсюда расползались мрачные слухи, сразу будоражившие город; Гораций, близость которого к Меценату была известна, не мог отбиться от беспокойных расспросов: «Как дела в Даккии?», «Где будут нарезать землю солдатам, в Сицилии или у нас в Италии?» (sat. II.6.50–56).

Содержание

Предисловие автора к первому изданию	5
Глава первая. РИМ	7
Глава вторая. ДОМ	73
Глава третья. ОБСТАНОВКА	101
Глава четвертая. ОДЕЖДА	115
Глава пятая. ПИЩА	133
Глава шестая. РАСПОРЯДОК ДНЯ	152
Глава седьмая. БАНИ	165
Глава восьмая. ДЕТИ	185
Глава девятая. ЖЕНЩИНЫ	228
Глава десятая. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ	251
Глава одиннадцатая. ГЛАДИАТОРЫ	268
Глава двенадцатая. ЦИРК	288
Глава тринадцатая. КЛИЕНТЫ	300
Глава четырнадцатая. РАБЫ	307
Глава пятнадцатая. ОТПУЩЕННИКИ	334
Примечания	361
Литература	439

Литературно-художественное издание

МАРИЯ ЕФИМОВНА СЕРГЕЕНКО
ЖИЗНЬ ДРЕВНЕГО РИМА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Светлана Федорова, Ксения Казак
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.09.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 19,74. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-NFA-19519-02-R